

ПРИЧИНЫ И ХАРАКТЕР ИЗМЕНЕНИЙ В АДМИНИСТРАТИВНО-УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В БССР (1917-1941 ГГ.)

Янушевич И.И.

БГУ, Минск

Статья посвящена исследованию основных направлений деятельности партийно-государственных структур по разрушению административно-управленческой системы Русской православной церкви (РПЦ) в Советской Белоруссии. Социальные потрясения 1917 г. положили начало нового этапа истории православия в Беларуси. В стране Советов православию была объявлена беспощадная война. Главной целью нового политического руководства было уничтожение религии и Церкви, которое вылилось в массовые аресты и расстрелы священнослужителей, грабеж и закрытие храмов, создание невыносимых условий функционирования общин.

В советской историографии вопросы государственно-церковных отношений рассматривались исключительно с атеистических позиций. С начала 1990-х гг. у ученых появилась возможность проводить более объективные, не заидеологизированные исследования, завершившиеся выходом серьезных научных работ. В.Новицкий исследовал развитие конфессиональной ситуации в целом [1]. Священник Ф. Кривонос провел, скорее всего, максимально полное изучение проблем репрессий священников Минской епархии [2]. Т. Процько исследовала процесс ограничения свободы вероисповедания в условиях формирования административно-командной системы [3]. Важны так же для изучения государственно-церковных отношений указанного периода работы В. Алексеева [4], В. Цыпина [5], Д. Поспеловского [6]. В целом же проблема разрушения административно-управленческой системы РПЦ в БССР пока еще не стала предметом полноценного научного исследования. Церковь в

Российской империи имела статус государственной. Структура управления, штаты, финансирование, деятельность полностью зависели от решений светских властей. Все это с одной стороны это упрощало функционирование данной организации, с другой связывало Церковь с закостенелой царской бюрократией, не лучшим образом сказавшееся на имидже.

РПЦ являлась стратегическим идеологическим противником большевиков в их претензии на право влияния на мировоззрение населения. В самом деле наблюдался реальный процесс «противоборства господствующей псевдорелигии со всеми остальными религиозными течениями» [7, с. 317]. Необходимо было расчищать площадку для строительства человека нового типа. И здесь мы наблюдаем скорее закономерность чем парадокс: «Советская государственность, хотя и провозгласила де-юре отделение (Церкви – авт.), однако де-факто она является единственным в мире конфессиональным государством, в котором господствующей религией является воинствующий атеизм коммунистической секты» [8, с. 343]. Все религиозные организации необходимо было уничтожить и естественно, что начинать большевикам следовало с православия. Несмотря на серьезнейшие проблемы внутри РПЦ до ноября 1917 г. (духовный регресс, упадок церковной жизни «на фоне серой, казенной, связанной бюрократическими путами действительности» [2, с. 10], расцерковление общества, атеизм части духовенства, отрыв его от «пасомых») никакой иной институт не обладал столь колоссальными возможностями влияния на массы. Большевицкие лозунги могли удовлетворить в основном меркантильные потребности – «Земля – крестьянам», «Заводы – рабочим» и т.д. Население испытывало потребность в вере в Бога, в сложившейся обрядности, в Церкви, проникшей во все стороны их жизни. В реальной жизни большинство рабочих и подавляющее число крестьян, по словам заведующего Агитпропом ЦК РКП(б) Ем. Ярославского, не могли «без церкви и попа ни родиться, ни жениться, ни умереть» [4, с. 36]. Борьба РПЦ была объявлена по всем

возможным направлениям. Главной задачей статьи является исследование одного из них – разрушения административно-управленческой структуры Церкви, которое главным образом сводилось к следующему:

- уничтожение духовенства и активных прихожан как силы способной противостоять антирелигиозным мероприятиям властей (физическое уничтожение, аресты и высылки (по возможности в первую очередь занимающих определенные руководящие должности) попытки духовно-нравственного разложения священников, его подчинение);

- разрушение системы управления Церковью (громальной организации, которая и при мощной бюрократической синодально-консисторской системе во многом не выполняла своих основных функций);

- создание невыносимых условий функционирования религиозных общин (регистрации, перерегистрации церковных организаций, минимизация роли священников в организации приходской жизни, закрытия храмов, отъем собственности).

Задача уничтожения большевиками того же православного духовенства, в особенности руководства Церкви, в условиях смертельной схватки за власть, «красного террора», формирования репрессивных органов представлялась актуальной и возможно вполне реальной. Ведь необходимо было ликвидировать «всего-то» 148 епископов, 450 000 священников и дьяконов, 92 000 монахов и монахинь [9, с 460]. Гражданская война как ничто иное подходила для «зачистки». Белорусские клирики до 1921 г. находились в более безопасном, в плане выживания, положении, чем в РСФСР и Восточной Украине. Боевые действия, истощая и человеческие и материальные ресурсы, все же были не сравнимы с троцкистским террором, особенно по отношению к православным. Наличие близкой границы и нестабильность ситуации не позволяли большевикам применять крайние формы. Трагическими стали для клира 1921-1922 гг. Страшнейший голод в Поволжье явился поводом для

полного изъятия церковных ценностей и усиления репрессивной политики по отношению к священникам.

Уничтожение духовенства, как и других «контрреволюционеров» до 1922 г. проводилось хаотично, систематизировать работу должно было Постановление ВЦИК от 6 февраля 1922 г., которым Всероссийская Чрезвычайная комиссия ликвидировалась, на ее месте создавалось Государственное политическое управление при НКВД РСФСР. 1 марта 1922 г. было образовано ГПУ при ЦИК БССР. «Политотделам, а также их уполномоченным предоставлялось право производства обысков, выемок и арестов... без специального постановления ГПУ и ПО» [10, л. 12]. Этим же постановлением органам ГПУ предоставлялось право административной высылки до 3-х лет в отношении лиц, подозреваемых в причастности к контрреволюционным выступлениям.

Задача разрушения системы управления Церковью в 1920-е гг. решалась мерами ареста и высылки наиболее авторитетных и перспективных священников и руководителей. Властями поддерживались священники, имевшие проблемы с церковной дисциплиной. Государство не признавало и не регистрировало руководящие органы РПЦ. Церковные суды были вне закона. Точечные аресты хотя и затрудняли процесс управления церковной жизнью, но не были критичны. С 1929 г. ситуация коренным образом изменяется. Перед органами ставилась задача сломить любое сопротивление осуществляемым в стране мероприятиям. В одном только 1930 г. было арестовано 93 «церковника». 25 из них расстреляны, а 68 отправлены в лагеря [3, с. 300]. Самыми кровавыми были 1929-1933 гг., 1935 г. и 1937 г. Просто причастность к религиозной деятельности «тянула» по мнению Особой тройки ГПУ на 3 года, некое минимальное, мнимое сопротивление мероприятиям Советской власти это уже пятилетний срок. Любое высказывание или реальное действие против режима – от 10 лет до высшей меры. Вместе с осужденными страдали и их семьи. Воссоздать полную картину проводимых репрессий практически не

возможно. Почти все священники арестовывались по несколько раз, некоторые по 3-4 раза. Ссылки зачастую заканчивались резким ухудшением состояния здоровья и смертью осужденных. В 1937 г. – первой половине 1938 г. в БССР было арестовано 400 православных священников и монахов, 1 митрополит, 5 епископов и архиепископов [3, с. 304]. В целом по БССР к 1941 г, скорее всего по приблизительным данным, погибли в лагерях или были расстреляны около 2000 клириков [1, с. 179].

10 августа 1922 г. увидела свет Инструкция ВЦИК «О регистрации религиозных общин». Согласно Инструкции для регистрации религиозной общины уставом, списками верующих, членов приходского совета и т.д. необходимо было составить опись имущества и заключить договор об аренде. Члены пятерки обязывались беречь переданное им «народное достояние» и пользоваться им исключительно соответственно его прямому назначению. За пропажу или порчу взятого у государства имущества, в случае доказанности органами НКВД хищения, выборные приходы несли уголовную ответственность. Если же это проходило без злого умысла, а по небрежности, то необходимо было просто возместить нанесенный ущерб [11, л. 12].

Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» РПЦ практически полностью лишалась возможности организовывать свою административную деятельность. Священник не мог выступать от имени прихода. Он становился наемным работником. Управленческая функция ограничивалась увещеванием верующих.

С лета 1927 г. под различными благовидными предлогами регистрация и перерегистрация общин откладывалось на неопределенный срок. К началу 1929 г. действовало 1013 православных храма. За 1930 г. было закрыто 573 церкви, в 1936 г. осталось только 74, а к 1940-м гг. в БССР не осталось ни одного постоянно действующего культового сооружения [1, с.173].

Еще одним направлением деятельности советского государства по развалу РПЦ были действия по разрушению единства Церкви, поддержка и инспирирование всякого рода расколов. Единства Церкви как такового не было и до 1917 г. Реформы Петра I, фактические ограничения в выборе профессии для сыновей священников, «ученое монашество», синодально-консисторская система толкали ряд представителей духовенства и околоцерковных деятелей в ряды оппонентов официальной идеологии вплоть до социал-демократических воззрений [6, с. 65]. Социальный переворот 1917 г. вызвал у многих священников и надежду на перемены, на изменение всей системы государственно-церковных отношений и устройства Церкви. Однако надежды на радикальные реформы, укрепление роли и самостоятельности «белого» духовенства, мирян в условиях кровавой трагедии локализовал и направил в конструктивное русло проходивший в Москве с 17 августа 1917 г. Всероссийский Поместный Собор. За более чем год своей деятельности Собор выработал оптимальный вариант устройства Церкви. «Благодаря возрождению церковной соборности и восстановлению первовятительского возглавления канонический строй Русской Православной Церкви оказался неуязвимым для подрывных раскольничьих акций» [4, с. 116].

Имелись в среде духовенства пастыри, чьи интересы не сводились к духовному служению. Жажда власти, мести, да и просто желание выжить, заставляли идти на компромисс с совестью и контакт с органами. Заинтересованы были в этом и в партийно-государственных структурах. Первоначально в ГПУ сделали ставку на разложение низшего духовенства. Чекисты применяли для вербовки как поощрения, в том числе и материальные, которые компрометировали в случае расконспирирования, так и устрашения арестом, тюрьмой, лагерем [12, с. 154]. К 1922 г. все большее внимание уделяется руководству Церкви. Невозможность склонить к сотрудничеству патриарха Тихона и его окружение вынудила ГПУ сделать ставку на группу

петроградских священников во главе с А. Введенским, так называемых обновленцев. Тихон был арестован. Над ним нависла угроза «высшей меры революционной законности». Обманым способом обновленцы получали в свое распоряжение церковную канцелярию на Троицком подворье и объявили о создании Высшего церковного управления, которому передаются все права по управлению РПЦ [13, с. 74]. Оказавшись у руля церковной власти, обновленцы начали жестоко расправляться оппонентами. К июлю 1922 г. из 73 епархий только в 36 архиереи остались верными патриарху. В июне 1922 г. епископ Минский и Туровский Мелхиседек признал ВЦУ.

Как способ борьбы с обновленчеством Мелхиседеком была поддержана автономия Белорусской православной церкви. 10 июля 1922 г. в Минском Кафедральном было объявлено о провозглашении автономии Белорусской церкви. Создавалась Белорусская митрополия на территории БССР. Между тем руководство ГПУ Белоруссии, рассмотрев мнимого обновленца Мелхиседека, в августе 1922 г. начинает проведение мероприятий по поддержанию раскола в РПЦ. 17 августа 1922 г. органами издается соответствующее циркулярное распоряжение уездным отделам. В нем предписывалось выявить «пригодных для работы священнослужителей, организовать их в группы и всячески стимулировать присоединение к ним остального духовенства» [14, л. 81].

Несмотря на все ухищрения органов, запугивание, раздачи «материалов» и денег желающих порвать с тихоновской Церковью было мало. Одной из главных причин перехода служителей культа в обновленчество было недовольство существующей высшей церковной иерархией, строго следящей за исполнением церковных канонов и дисциплины. Лидеры обновленцев выдвигали популистские лозунги обустройства церковной жизни, нарушающие православные каноны, лишаящие Православную церковь необходимого запаса прочности, а высшее руководство – возможности действенного управления клиром. Главной проблемой обновленцев было отсутствие поддержки

населения. Верующие не доверяли «красным батюшкам». Еще в 1923 г. отколовшийся от ВЦУ епископ Антонин давал обновленцам следующую характеристику: «Ко времени Собора не осталось ни одного пьяницы, ни одного пошляка, который не пролез бы в церковное управление и не покрыл бы себя титулом или митрой, наскочив на архиерейские кафедры прямо из пьяных дьячков» [4, с. 217]. Такие же обновленческие «миссионеры» и «святые отцы» бороздили по республике. В БССР ощущались острая нехватка кадров. Исполнительская дисциплина практически отсутствовала. Властью такое положение дел использовалось как пример разложения и деградации всего православного духовенства.

У части духовенства и мирян все отчетливее просматривалась идея церковной автономии. Особенно в 1927 г., когда после ареста 113 из 167 епископов РПЦ и угрозы большевиков расстрелять их, патриарший местоблюститель митрополит Сергей вынужден был высказаться в поддержку Советской власти. Многие клирики не согласились с такой «прекрасной» позицией Сергея. Начали возникать так называемые «расколы справа». Это было на руку чекистам, так как давление на одних и послабления другим вносили разлад среди иерархов и клира. 10 августа 1927 г. было заявлено о провозглашении Белорусской Автокефальной Церкви. Теперь в БССР было три основных течения Православной церкви: обновленцы, сергиевцы и мелхиседековцы [15, л. 11]. Мелхиседековских приходов в это время насчитывалось 344, патриарших 411 и обновленческих 305 [2, с. 105]. Во внутрицерковной жизни наблюдался серьезнейший беспорядок. Противостояния различных групп подрывали авторитет Православной церкви. С начала 1930-х гг. политика «разделяй и властвуй» для большевиков уже перестала быть актуальной. К 1934 г. прекратило существовать обновленчество, к 1937 г. автокефалия. К 1940-м гг. Церковь в БССР практически была полностью разрушена.

Таким образом, задача ликвидации организационно-управленческой структуры РПЦ в БССР к 1940-м гг. была практически выполнена. Духовенство, в том числе и не предпринимавшее абсолютно никакого сопротивления мероприятиям властей в основном оказалось уничтожено. Деятельность по ликвидации наиболее видных, авторитетных представителей духовенства, руководства с целью обезглавить церковное движение в 1920-е гг. закончилась тотальной зачисткой в 1930-е гг. Большевикам удалось расчлнить РПЦ на несколько, в определенный момент ожесточенно враждующих частей. Крайне левый вариант раскола – проект ГПУ – обновленчество компрометировал саму идею православия, был фактически направлен исключительно на разрушение Церкви, уничтожение основ православной веры. Обновленчество не было однородным. Имело место и заблуждение, и попытки возрождения первохристианских идеалов, но деятельность и итог были плачевны. В общем атеистическом угаре отсутствие единства Церкви, постоянные склоки и разбирательства играли на руку антирелигиозникам. По мере укрепления большевицкой власти ужесточалось антицерковное законодательство. Духовенство было отстранено от организации приходской жизни. Усложняющаяся процедура перерегистрации общин с начала 1930-х гг. перешла в сплошную полосу их ликвидации.

Список литературы:

1. *Навіцкі, У. І.* Змена канфесіянальнай палітыкі дзяржавы ў 20-30 - я гг. XX-га ст. // Канфесіі на Беларусі / В. В. Грыгор'ева, У. М. Завальнюк, У. І. Навіцкі, А. М. Філатава. – Мінск: Экаперспектыва, 1998. – 325 с.
2. *Кривонос, Ф.* У Бога мертвых нет. Неизвестные страницы из истории Минской епархии (1917-1939) / Ф. Кривонос. – Минск: 2007. – 239 с.
3. *Протьюко, Т.* Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917-1941 гг.) / Т. Протьюко. – Минск: Тесей, 2006. – 687 с.

4. *Алексеев, В. А.* Штурм небес отменяется? Критический очерк по истории борьбы с религией в СССР / В.А. Алексеев. – М.: Россия молодая, 1992. – 246 с.
5. *Цыпин, В.* Русская Церковь (1917-1925) / В. Цыпин. – М.: Изд. Сретенского монастыря, 1996. –189 с.
6. *Поспеловский, Д. В.* Русская Православная Церковь в XX веке / Д.В. Поспеловский. – М.: Республика, 1995. – 351 с.
7. *Логинов, А.В.* Власть и вера. Государство и религиозные институты в истории и современности / А.В. Логинов. – М.: Большая российская энциклопедия, 2005. – с. 496.
8. *Булгаков, С.Н.* Православие: Очерк учения Православной Церкви / С.Н. Булгаков. – М.: Терра, 1991. –197 с.
9. *Никольский, Н. М.* История русской церкви / Н. М. Никольский. – Минск: Беларусь, 1990. – 540 с.
10. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Фонд 99. – Оп. 1.– Д. 15.
11. Государственный архив Минской области. Фонд 48. – Оп. 1.– Д. 38.
12. *Одинцов, М. И.* Государство и церковь в России. XX век / М.И. Одинцов. – М.: Луч, 1994. – 325 с.
13. *Левитин-Краснов, А., Шавров, В.* Очерки по истории русской церковной смуты / А. Левитин-Краснов, В. Шавров. – М.: Круцицкое патриаршее подворье, 1996. – с. 708.
14. НАРБ. Фонд 4. – Оп. 1. – Д. 489.
15. Национальный исторический архив Беларуси. Фонд 2786. – Оп. 1. – Д. 339.